На правах рукописи

Сафронова Екатерина Евгеньевна

ИМПЛИЦИТНЫЕ АКТАНТЫ РУССКО- И НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ФИКЦИОНАЛЬНЫХ ТЕКСТОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX – НАЧАЛА XXI ВВ.

5.9.8 – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Краснодар – 2023

Работа выполнена на кафедре современного русского языка филологического факультета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кубанский государственный университет»

Научный руководитель: **Исаева Лидия Алексеевна,**
доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой современного русского языка филологического факультета ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Официальные оппоненты: **Кузнецова Анна Владимировна,**
доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории мировой литературы ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

Хачмафова Зайнета Руслановна,
доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой французской и немецкой филологии ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет»

Ведущая организация: **ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»**

Защита диссертации состоится « » мая 2023 г. в 9.30 часов на заседании диссертационного совета **24.2.320.10** на базе Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кубанский государственный университет» по адресу: 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, ауд. 231.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» и на официальном сайте: https://docspace.kubsu.ru/docspace/handle/1/1636

Автореферат разослан « » апреля 2023 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета Б.Г. Вульфович

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Настоящее диссертационное исследование посвящено изучению способов репрезентации имплицитных актантов в тексте с помощью лексических, грамматических и текстуально-стилистических средств. Проблематика данной диссертации относится к кругу вопросов общего языкознания, семиотики, стилистики и лингвистики текста, а также теоретической грамматики русского и немецкого языков.

Актуальность исследования. Современное языкознание уделяет внимание изучению форм присутствия и реализации автора в тексте, а также исследованию особенностей художественного дейксиса. На данном этапе развития лингвистики как науки языковая структура художественного фикционального текста достаточно полно описана в работах как отечественных [Бахтин 1975; Падучева 1996б; Кожевникова 1994 и др.], так и зарубежных исследователей [Schmid 1982, 2009; Hamburger 1957; Stanzel 1979 и др.]. В то же время сама категория нарратора [термин, принятый в западноевропейской лингвистической традиции для обозначения повествователя. – Е.С.] как классическая языковая репрезентация автора в тексте по сей день остаётся одной из наиболее дискутируемых [Nünning 1989; Kindt 1999; Genette 1983; Хализев 1988, 2000; Корман, 1972, 1992]. Не имеется не только единой классификации типов имплицитного автора (англ. narrator), но и чёткого понятия нарратора, включающего указания на признаки, разграничивающие фигуры имплицитного автора и иных повествующих актантов фикционального текста (рассказчика, повествователя и других). Помимо этого, остаётся малоизученным неразрывно связанное с наличием нарратора понятие имплицитного читателя, или наррататора.

Одним из базовых признаков повествовательного текста, в особенности художественного, является его фикциональность. Определение фикциональности, признанное традиционным, было в своё время предложено В. Шмидом, который под фикциональностью понимал «признак художественного текста, указывающий на онтологический статус изображаемого в тексте мира, который, в свою очередь, представляет собой фикцию, или выдумку, сконструированную автором и не содержащую намерения обмануть читателя» [Шмид 2003, с. 19]. Несмотря на тонкую грань между понятиями фикции и фикциональности, они описывают принципиально различные онтологические статусы: понятие «фикциональный» относится к специфике текста, тогда как термин «фиктивный» (или же «вымышленный») характеризует вселенную, изображаемую автором в фикциональном тексте [Женетт 1998г, с. 385–407]. Основное различие между фикциональным и фактуальным нарративом заключается в заведомой дистанцированности фикции от действительности за счёт относительной условности последней.

В нарратологической традиции актанты (от лат. ago – «действую») нарративного синтаксиса определяются как субъекты/объекты действий и отправители/получатели сообщений. Мы посчитали возможным применение

термина «актант» для обозначения продуцента или реципиента, действующих в пределах фикционального текста.

Актуальность предлагаемого исследования также подтверждается результатами количественного и качественного анализа работ, посвящённых категориям имплицитных автора и читателя. Анализ публикаций, представленных в научной электронной библиотеке eLibrary, демонстрирует весьма низкое количество работ по данной теме.

Диаграмма 1.

Анализ количественных показателей (диаграмма 1) демонстрирует, что из множества статей всего 223 работы содержат в перечне ключевых слов термин «нарратор»; кроме того, ряд работ посвящён исследованию конкретных его разновидностей, например: диегетический нарратор – 10 работ, ненадёжный нарратор – 6 работ, недиегетический – 3 работы, герой-нарратор – 2 работы. Иные представленные типы (автор-нарратор, автобиографический нарратор) описаны в одной публикации каждый.

Однако даже в сравнении с такими более чем скромными показателями уровень исследованности отечественными учёными категории наррататора оказывается невысоким. Выборка осуществлялась по ключевым словам «имплицитный читатель» и «наррататор» (диаграмма 2).

Общее число публикаций составило 37, из которых большая часть апеллируют к укрепившемуся в русскоязычном языкознании термину «имплицитный читатель», а европеизированное понятие «наррататор» занимает второе место по популярности. Как становится понятно из приведённой диаграммы, типы наррататора не рассматриваются вовсе либо не являются

основным предметом внимания авторов, что также свидетельствует о недостаточной исследованности темы.

Диаграмма 2.

В качестве **объекта исследования** выступают имплицитные актанты, т.е. вербализованные имплицитный автор и читатель в фикциональных текстах постмодернистского дискурса конца XX – начала XXI вв.

Предметом настоящего диссертационного исследования являются формы и способы репрезентации имплицитных актантов в текстах постмодерна.

В качестве **материала исследования** выступают четыре фикциональных текста общим объёмом 1336 страниц, относящиеся к такому направлению массовой литературы, как постмодерн, и в равной степени представляющие интерес для анализа нарративных структур: в немецкоязычном дискурсе это уже причисленные критиками к современной немецкой классике «Парфюмер. История убийцы» П. Зюскинда (нем. Patrick Süskind, „Das Parfum. Die Geschichte eines Mörders“) и «Измеряя мир» Д. Кельманна (нем. Daniel Kehlmann, „Die Vermessung der Welt“); в русскоязычном дискурсе, для анализа нами были отобраны семейная сага М.Л. Степновой «Женщины Лазаря» и первый из романов так называемого «фандоринского цикла» Б. Акунина «Азазель». Всего в ходе исследования было проанализировано более 900 текстовых фрагментов. Все немецкоязычные примеры сопровождаются переводом – перевод Э. Венгеровой для „Das Parfum“ и авторский для „Die Vermessung der Welt“ соответственно. Причины, по которым мы отказались от официального перевода романа авторства Г. Косарик, обусловлены тем, что итоговый русскоязычный текст не отражает особенности, необходимые для анализа в рамках настоящего исследования (например, использованное в

оригинальном тексте сослагательное наклонение Konjunktiv I заменено на формы изъявительного наклонения соответствующего времени).

Рабочая **гипотеза исследования** сформулирована следующим образом: имплицитные актанты манифестируются в исследованных русско- и немецкоязычных фикциональных текстах постмодернистского дискурса посредством лексико-семантических, грамматико-синтаксических или интертекстуальных средств выражения. Специфика языка, на котором осуществляется повествование, определяет степень участия тех или иных языковых средств в экспликации актантов.

Целью настоящей диссертационной работы является анализ и классификация способов манифестации имплицитных актантов в немецко- и русскоязычном художественном дискурсе на примере фикциональных текстов П. Зюскинда, Д. Кельманна, М.Л. Степновой и Б. Акунина, объединённых общими принципами лингвистического построения текста, включающими в себя предполагаемый уровень развития языковой личности потенциального реципиента, позволяющий адекватно семантизировать языковые единицы, составляющие текст каждого отдельно взятого романа. Данная цель предопределяет решение следующих **задач**:

1) рассмотреть методологические подходы нарратологии к описанию нарратора и наррататора в фикциональном тексте, построить рабочую методологическую гипотезу дискурс-анализа литературных произведений, выделить уровни манифестации нарратора и наррататора;

2) уточнить имеющиеся понятия «фикциональность», «наррация», «имплицитный автор», «имплицитный читатель» и провести дальнейшую дифференциацию этих понятий по отношению к отобранному теоретико-методологическому материалу;

3) проанализировать примеры, полно и адекватно иллюстрирующие и раскрывающие специфику манифестации нарратора и наррататора как в немецко-, так и в русскоязычных фикциональных текстах, на основании выделенных уровней манифестации имплицитных актантов (включая грамматический, лексико-семантический и интертекстуальный);

4) осуществить компаративный анализ способов манифестации имплицитных актантов немецко- и русскоязычного дискурса на основе рабочей гипотезы;

5) выявить общие закономерности и различия в формах реализации имплицитных актантов в нарративах русско- и немецкоязычного постмодернистского дискурса.

Теоретической и методологической базой работы послужили труды отечественных и зарубежных ученых в области:

1) нарратологии [В. Шмид 1984, 1989, 2003, 2009; С. Чэтман 1986, 1990; П. Лаббок 2013; Н. Фридман 1955; А. Грэймас 2005; Ж. Женетт 1998; Цв. Тодоров 1978; Е.Н. Лучинская 2002, 2018, 2019, 2020; И.Н. Пономаренко 2018], позволившие исследовать подходы к категории внутритекстовых

актантов в рамках фикционального текста и выбрать наиболее полную и актуальную с нашей точки зрения классификацию;

2) лингвистики текста [Е.В. Падучева 1995, 1996; Ю.П. Нечай 1993; И.Р. Гальперин 2007; К.А. Филлипов 2003; А. Банфилд 1983; Д. Кон 1981; Н.А. Фатеева 1998, 2012, 2013; И.Н. Пономаренко 2005; А.В. Зиньковская 2021], использованные при отборе материала для исследований, в частности – при вычленении специфических особенностей семантико-стилистического построения каждого из отобранных для анализа фикциональных текстов;

3) теоретической грамматики [Б.А. Абрамов 2003; У. Энгель 2004; О.И. Москальская 2004; В.Г. Адмони 1970; А.А. Балакина 2011; С.Т. Нефёдов 2008], описывающие специфику грамматических конструкций в немецком языке и составившие базу для анализа грамматических способов репрезентации имплицитных актантов фикциональных текстов;

4) лексикологии [С.А. Учурова 2014; И.А. Солодилова 2013; Е.Н. Лучинская 2018; Л.Ю. Буянова 2020], включённые нами в теоретико-методологическую базу исследования лексических способов экспликации нарратора и наррататора;

5) исследования прецедентного феномена в аспекте когнитивной лингвистики [В.Е. Хализев 1988, 2000; Б.О. Корман 1972, 1992; В.Г. Гак 1977; У. Уимсэтт 1976; Р. Барт 1966, 1994; Л.М. Веккер 1998; Л.А. Исаева 2016; О.Г. Борисова 2021; О.Е. Павловская 2021; А.В. Зиньковская 2020], составившие теоретическую основу анализа интертекстуального уровня манифестации имплицитных актантов посредство прецедентного феномена.

Научная новизна исследования определяется тем, что в нём впервые в отечественной теории языка осуществлён комплексный лингвистический анализ имплицитных актантов современных немецко- и русскоязычных фикциональных текстов. Отобранные тексты объединяет сходная логика семантико-стилистического построения, а также единый псевдоисторический стиль повествования, предполагающий определённый лексико-грамматический инструментарий для описания внутреннего наполнения фиктивного мира романов, что явилось решающим фактором при их отборе для последующего анализа. Доказано присутствие в указанных текстах фикционального дискурса дихотомии «имплицитный автор – имплицитный читатель». Выявлены общие закономерности манифестации имплицитных актантов в рамках постмодернистских контекстов. Изучены специфические способы изображения нарратора и наррататора в русско- и немецкоязычных фикциональных текстах постмодернистского дискурса. Предпринята попытка создания универсальной типологии задействованных в нарративных структурах актантов, включающей в себя грамматический, лексико-семантический, а также прецедентный аспект. Научная новизна данного исследования обусловлена также отсутствием всестороннего лингвистического анализа романного творчества таких издаваемых авторов, как Б. Акунин, М.Л. Степнова, П. Зюскинд и Д. Кельманн, проза которых либо вовсе не подвергалась рассмотрению при проведении научных исследований, либо анализу подвергался только один из

рассматриваемых нами аспектов, например лексико-семантические средства моделирования культурного пространства в текстах Д. Кельманна [Горбатовский 2022], либо романное творчество авторов было проанализировано довольно подробно, но исключительно в русле теории литературы (например, посвящённые творчеству Б. Акунина диссертации А.В. Казачковой [2015], Р.Х. Туовой [2017], Е.И. Гордиенко [2010], Н.Г. Бобковой [2010] и Е.А. Трусковой [2012], изученные нами в ходе исследования).

Осуществление подробного языковедческого анализа выбранных произведений представляется нам перспективным, поскольку изучение средствами и методами лингвистики нарратологической логики построения фикционального текста обусловлено развитием парадигмы лингвокогнитивных исследований. Когнитивный компонент входит в базовый функционал любого фикционального текста, поскольку выражается путём экспликации личного авторского опыта, который экстраполируется на общечеловеческий, типичный, с которым читатель идентифицирует себя [Tjupa 2014]; это вполне соответствует теории существования внутритекстовой оппозиции «нарратор – наррататор». С конца XX века и по настоящее время языкознание, выходя за рамки изучения исключительно языковых единиц и явлений, расширяет горизонты исследований, а потому комплексный анализ, включающий в себя как лексико-грамматический, так и интертекстуальный аспекты, имеет первостепенную важность.

Теоретическая значимость работы заключается в разработке и последующем применении впервые предложенной классификации форм изображения имплицитного автора и читателя, а также в выявлении закономерностей их манифестации на материале русско- и немецкоязычных фикциональных текстов повествовательной прозы. В работе систематизированы представления о фигуре нарратора и имплицитного читателя в трудах русских, французских, немецких и английских нарратологов, семиологов и лингвистов с целью построения поуровневой классификации форм представления имплицитных актантов в фикциональном русско- и немецкоязычном нарративе. Материалы и результаты исследования могут дополнить теорию когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, теоретической грамматики, способствовать расширению знаний об идиостилях писателей, чьи работы подвергаются анализу, и о национально-культурной специфике их творчества. Результаты исследования также могут составить теоретико-методологическую базу дальнейших исследований предлагаемых к анализу романов в русле гендерной лингвистики.

Практическая значимость настоящей работы заключается в возможности использования полученных результатов в дальнейших научных исследованиях широкого спектра изучаемых проблем лингвистики текста, семиотики, стилистики, теоретической грамматики русского и немецкого языков, а также прецедентных феноменов в русле когнитивной лингвистики. Материалы исследования могут быть использованы при составлении учебных

курсов для направлений подготовки специалистов 45.05.01 «Перевод и переводоведение», а также бакалавров по специальностям 44.03.05 «Педагогическое образование», 45.03.01 «Филология (Зарубежная филология)», 45.03.02 «Лингвистика (Перевод и переводоведение)», 45.03.03 «Фундаментальная и прикладная лингвистика (Общий профиль)», 45.03.01 «Филология (Прикладная филология)» и магистров следующих направлений подготовки: 45.04.01 «Филология (Иностранные языки)», 45.04.01 «Филология (Зарубежная литература)», 45.04.01 «Филология (Общее языкознание. Психолингвистика. Социолингвистика)», 45.04.01 «Филология (Русский язык)».

На защиту выносятся следующие **основные положения:**

1. Степень и способ манифестации нарратора в исследованных русско- и немецкоязычных фикциональных текстах разнится с вариациями от полностью имплицитного до эксплицитного и не зависит от языка, на котором осуществляется повествование.

2. Присутствие имплицитного читателя создаёт почву для возникновения диалога на уровне продуцент-реципиент, в некоторой мере дублируя дихотомию «автор – читатель» в её внутритекстовом варианте «имплицитный автор – имплицитный читатель», что обеспечивает потенциальную экспликацию нарратора.

3. Манифестация имплицитных актантов посредством прецедентных текстов обусловлена не нарративным потенциалом языка, на котором осуществляется повествование в исследованных текстах, а сугубо авторским намерением, поскольку данный аспект экспликации не имеет жёстких рамок в отличие от грамматического способа. В то же время лексический способ манифестации ограничен не строгими правилами, а лишь рекомендациями, призванными сохранить внутреннюю связность художественного текста.

4. Свидетельством присутствия нарратора в исследованных русско- и немецкоязычных фикциональных текстах является не только лексико-семантическое или грамматическое оформление конкретного контекста, но и наполнение повествуемого мира, включающее такие элементы, как фиктивные либо квазиисторические локации и квазиисторические персонажи. Отбор прецедентных текстов, послуживших источником возникающей в фикциональном тексте интертекстуальности, также является свидетельством присутствия нарратора и, косвенно, наррататора, потенциально способного к семантизации текстовых структур.

5. Манифестация нарратора и наррататора в тексте обусловлена одним из проанализированных аспектов, а именно грамматическим, лексическим или интертекстуальным. Универсальным типом реализации имплицитных актантов для обоих языков повествования является манифестация на интертекстуальном уровне. Грамматические способы манифестации более характерны для немецкоязычных текстов, тогда как русскоязычные авторы при построении текстов скорее тяготеют к лексическому аспекту экспликации нарратора и наррататора.

Указанные выше задачи определяют перечень задействованных **методов исследования.** В качестве основного избран описательно-сопоставительный метод, позволяющий осуществить компаративный анализ отобранных для исследования фикциональных текстов. Помимо этого также используются методы обобщения и систематизации теоретических сведений, необходимые для работы с теоретико-методологическим аппаратом, составляющим базу настоящего исследования. При анализе способов и форм манифестации имплицитных актантов на лексическом и грамматическом уровнях текста широко использовались методы лексико-семантического и синтаксического анализа, а также метод эмпирического анализа языкового материала, описательный метод. Метод интерпретации с применением приемов наблюдения и обобщения составил основу анализа прецедентного феномена в исследуемых фикциональных текстов; в качестве вспомогательных были также задействованы лингвокультурологический метод и методы семантического и компонентного анализа.

Апробация исследования. Результаты исследования нашли отражение в выступлениях на международных научно-практических конференциях: «Новая наука: от идеи к результату» (г. Сургут, 2016), «Новая наука: проблемы и перспективы» (г. Пермь, 2017), «Новая наука: опыт, традиции, инновации» (г. Оренбург, 2017), «VI Международная научная конференция „Континуальность и дискретность в языке и речи“» (г. Краснодар, 2017), «Новая наука: от идеи к результату» (г. Сургут, 2017), «Общетеоретические и отраслевые проблемы науки и пути их решения» (г. Волгоград, 2019), «VII Всероссийская научная конференция „Континуальность и дискретность в языке и речи“» (г. Краснодар, 2019), «Проблемы и тенденции научных исследований в системе образования» (г. Уфа, 2019), «Роль науки и образования в модернизации современного общества» (Магнитогорск, 2019), «Формирование и развитие новой парадигмы науки в условиях постиндустриального общества» (г. Пенза, 2020), «Роль инноваций в трансформации и устойчивом развитии современной науки» (г. Омск, 2020).

По теме диссертации опубликовано 10 работ, в том числе 7 статей в журналах, включённых в реестр Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

Структура диссертации обусловлена проблемой, целью и задачами исследования. Работа состоит из Введения, четырёх глав, Заключения, Библиографического списка и Списка источников материала исследования.

Объём работы составляет 174 с., работа содержит 1 таблицу, 1 схему, 4 диаграммы. Библиографический список включает 235 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность, определены объект и предмет исследования, изложены цели и задачи, сформулированы основные положения, выносимые на защиту; обоснованы научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, описаны материал и методы исследования, а также представлены теоретико-методологическая база и результаты апробации работы.

В **первой главе** «История и проблематика исследования имплицитных актантов в лингвистике» производится обзор исследований категории внутритекстового автора (нарратора) и его оппонента, в нарратологической традиции именуемого нарратором или имплицитным читателем. Предложенные определения описывают нарратора как внутритекстовый вариант реального автора: «имплицитный автор: версия реального автора, ответственного за выбор, который создает повествовательный текст как «данные слова в данном порядке» и который наполняет текст его или ее смыслами» [Phelan, Rabinowitz 2005, p. 546] (здесь и далее перевод наш. – Е.С.).

Представленная Ф. Штацелем [Stanzel 1963] система повествовательных перспектив сводилась к оппозиции «повествование от первого лица (нем. Ich-Erzählung)» – «повествование от третьего лица (нем. Er-Erzählung). Осуществляют такое повествование рассказчики от первого и третьего лица соответственно (нем. Ich-Erzähler, Er-Erzähler).

В качестве рабочего предложено следующее определение нарратора: нарратор (имплицитный автор) – это продуцент, ответственный за отбор лексико-семантического и грамматико-синтаксического материала для последующего построения фикционального текста.

Несмотря на наличие разночтений при описании категории авторства, большинство как отечественных, так и зарубежных теоретиков сходятся во мнении, что нарратор как внутритекстовое отражение автора обязательно присутствует в тексте в своей имплицитной либо эксплицитной ипостаси. Наряду с существующим множеством взглядов на феномен внутритекстового автора, те из лингвистов, которые всё же признают невозможным существование безнарраторской наррации (обезличенного повествования, что близко к теории о самодействующем тексте [Шмид 2003]. – Е.С.), сходятся во мнении, что эксплицитное присутствие нарратора в фикциональном тексте является комплементарным приёмом и лишь надстраивается над его имплицитным изображением, не являясь самостоятельным:

“*Dear Constant Reader,* life is a capricious business” [King 2004, p. 3]. – «*Дорогой Постоянный Читатель!* Жизнь полна неожиданностей» [Кинг. Электронный ресурс].

«Что дальше происходило диковинного в Москве в эту ночь, *мы не знаем* и доискиваться, конечно, не станем, тем более что настает *пора переходить нам* ко второй части этого правдивого повествования» [Булгаков 2009, с. 239].

“...but I don’t have a name anymore. Hardly *any of us* do. *We lose* them like car keys, *forget* them like anniversaries” [Marion 2010, p. 6]. – «У меня больше нет имени. У *нас* их почти не осталось. *Мы теряем* имена, как ключи, *забываем,* как годовщины» [Марион 2011, с. 5].

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что эксплицитная манифестация нарратора в анализируемых текстах является доказательством его (нарратора) имплицитного присутствия.

Опираясь на выстроенную С. Чэтменом оппозицию «нарратор – наррататор» [Chatman 1990], являющуюся составляющей дихотомии «автор – читатель», мы приходим к выводу о том, что утверждение о взаимосвязи эксплицитности и имплицитности повествователя является также справедливым и для его нарратологического оппонента, а именно – адресанта воспроизводимого в ходе акта повествования текста, которого в западноевропейской традиции именуют имплицитным читателем, или наррататором (англ. narratee).

Способы манифестации имплицитных актантов в фикциональном тексте наряду с классическими грамматическими и лексическими приёмами в рамках ПМД включают ещё и манифестацию на интертекстуальном уровне, находящую выражение прежде всего в построении текста произведения на базе прецедентных текстов, апеллирующих к образам и понятиям, адресованным группе потенциальных реципиентов, способных к дешифровке полученного знакового кода, что сообщает фикциональному тексту некоторую степень интерактивности:

“Er trank diesen Duft, er ertrank darin, imprägnierte sich damit bis in die letzte innerste Pore, wurde selbst Holz, wie eine hölzerne Puppe, *wie ein Pinocchio lag er auf dem Holzstoß*…“ [Süskind 1994, S. 128]. – «Он пил этот запах, утопал в нем, напитывался им до самой последней внутренней поры, сам становился деревом, он лежал на груде дерева, как деревянная кукла, как пиноккио…» [Зюскинд. Электронный ресурс].

«Домработница, дубоватая деревенская тетка, покорно откликавшаяся на Никитичну (по метрике на самом деле была Николаевна, больше того – Наталья Николаевна, этакий легкий, головокружительный, почти ничего не обещающий намек – словно пушистая, пушкинская ветка за полузамалёванным краской сортирным окном) …» [Степнова 2012, с. 325].

«...и в самом деле был удивительно похож на принца, ну если не японского, то европейского, как у Стивенсона» [Акунин 2018, с. 34].

При этом одной из главных задач присутствующих в тексте актантов является обеспечение коммуникации внутри произведения, которая, тем не менее, выходит за его рамки, включая, помимо «задуманных», также вполне реальных автора и читателей.

Вторая глава «Специфика функционирования грамматических конструкций при репрезентации актантов в художественных текстах постмодернистского дискурса» посвящена грамматической спецификации

отображения нарратора и наррататора в исследуемых текстах с учётом языка повествования.

На основании проанализированных фрагментов текстов можно сделать вывод о том, что эксплицитное изображение нарратора и наррататора является довольно распространённым приёмом в отобранных для анализа произведениях. Однако же несамостоятельность такого изображения не подвергается сомнению; эксплицитное изображение, безусловно, основывается на уже имеющемся имплицитном, лишь дополняя его и акцентируя на нём внимание читателя в тех случаях, когда оба типа изображения сочетаются. Это, впрочем, не мешает двум типам изображения актантов вполне успешно соседствовать в рамках одного и того же произведения, а зачастую и в рамках одного микротекста, что особенно наглядно демонстрируют проанализированные фрагменты из романа «Парфюмер».

„*Uns heutigen Menschen*, die wir physikalisch ausgebildet sind, leuchtet das sofort ein“ [Süskind 1994, S. 243]. – «Нам, современным людям, изучавшим физику, это сразу ясно» [Зюскинд. Электронный ресурс].

„Da *wir* Madame Gaillard *an dieser Stelle der Geschichte verlassen* und ihr auch später nicht mehr wieder begegnen werden, *wollen wir* in ein paar Sätzen das Ende ihrer Tage schildern“ [Süskind 1994, S. 38]. – «Поскольку здесь мы расстаемся с мадам Гайар, да и позже уже не встретимся с нею, опишем в нескольких фразах ее последние дни» [Зюскинд. Электронный ресурс].

Говоря о частотности применения грамматических способов манифестации, следует отметить, что наиболее ярко данный тип иллюстрируют именно немецкоязычные романы, что обусловлено существованием в немецком языке грамматической структуры Konjunktiv I, использующейся для передачи косвенной речи. Этот факт предполагает наличие некоего рассказчика, передающего речь автора, рассказывающего о повествуемом мире.

Помимо Konjunktiv I оба немецкоязычных романа представляют сходный инструментарий для манифестации имплицитных актантов, включающий также глагольные и местоимённые формы множественного числа и модальные глаголы в их субъективном значении, также служащие для передачи косвенной речи в совокупности с оценкой повествователя.

При выделении наиболее частотных способов изображения имплицитных автора и читателя в немецкоязычных романах было установлено, что для романа П. Зюскинда характерно, прежде всего, эксплицитное изображение в виде обособленного авторского комментария или употребления глагольных и местоимённых форм множественного числа, причисляющих внутритекстового автора к той же касте, что и потенциальные читатели:

„…und der Zauber, der von ihm ausginge, wäre nicht mehr von menschlicher, sondern von göttlicher Art. *(Wie wir sehen, war Richis ein aufgeklärt denkender Mensch,* …“ [Süskind 1994, S. 211]. – «…и волшебство, исходящее от нее, имело бы не человеческую, но божественную власть. (Как мы видим, Риши был просвещенным и мыслящим человеком, …» [Зюскинд. Электронный ресурс].

В то же время Д. Кельманн в своём произведении максимально дистанцирует собственного повествователя от читателя, для чего виртуозно использует сослагательное наклонение Konjunktiv I, тем самым в значительной степени затрудняя включённость потенциального читателя в процесс повествования и невозможность для него идентифицировать себя с кем-либо из числа героев:

„Er beruhigte sich nicht einmal, als Eugen von der einen und Minna von der anderen Seite ihre Hände auf seine Schultern legten und beteuerten, man werde gut für ihn sorgen, er werde bald wieder daheim sein, es werde so schnell vorbeigehen wie ein böser Traum. Erst als seine uralte Mutter, aufgestört vom Lärm, aus ihrem Zimmer kam, ihn in die Wange kniff und fragte, wo denn ihr tapferer Junge sei, faßte er sich“ [Kehlmann 2005, S. 8]. – «Он не успокоился даже тогда, когда Евгений с одной стороны и Минна с другой опустили руки ему на плечи и заверили, о нём хорошо позаботятся, вскоре он снова будет дома, всё закончится также быстро как дурной сон. Лишь когда его престарелая мать, встревоженная шумом, вышла из спальни, ущипнула его за щёку и спросила, где её отважный мальчик, он взял себя в руки».

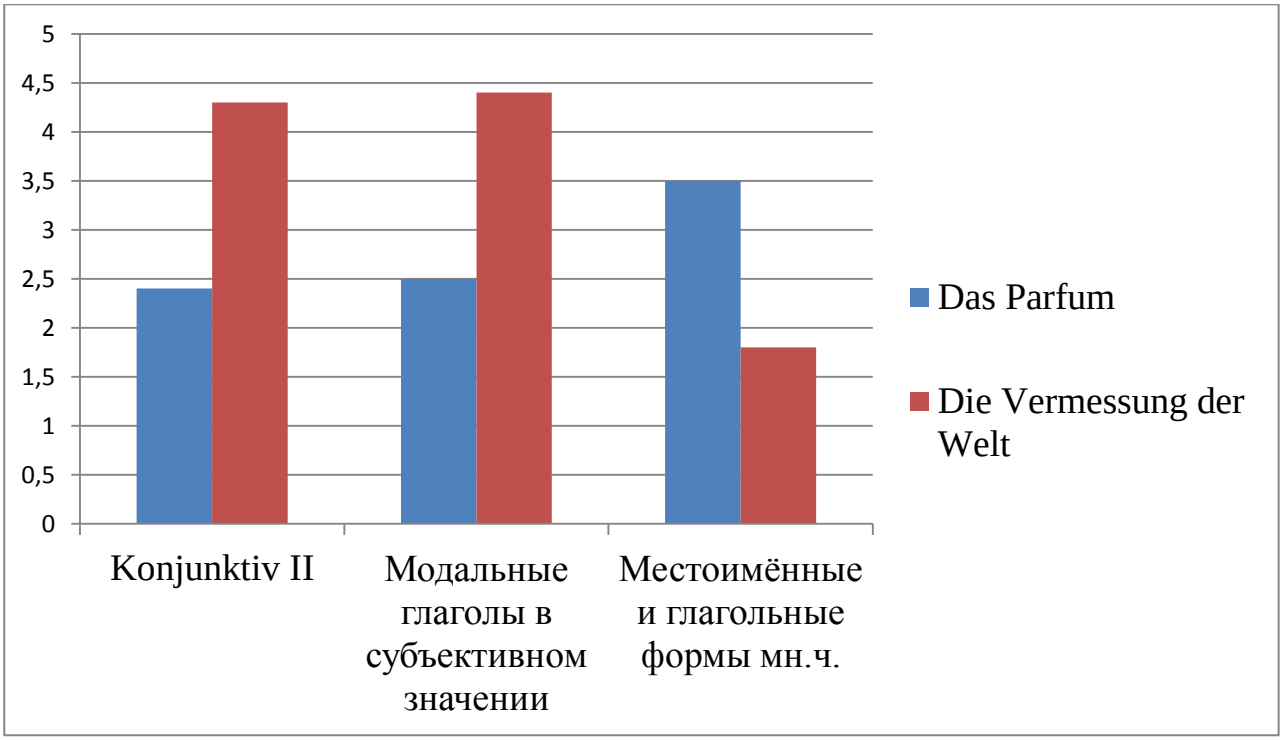

Диаграмма 3

Сослагательным наклонением пользуется и П. Зюскинд, но лишь в его изначальной функции передачи чужой речи, воссоздавая микротексты персонажей, зачастую выведенных за границу повествования, в то время как Д. Кельманн использует данный приём в качестве основного грамматического средства построения собственной фиктивной вселенной, тем самым нивелируя отнесённость цитируемых реплик к тому или иному персонажу. Это вполне

соответствует экспериментальной концепции романа, поскольку такая подача информации изначально затрудняет декодировку заложенного в основу произведения постмодернистского кода. Условно результаты исследования в этом аспекте отражает представленная выше диаграмма 3.

Количество примеров в русскоязычных романах было гораздо меньше (диаграмма 4), но подобный результат также позволяет сделать выводы о грамматических способах выражения присутствия нарратора в тексте.

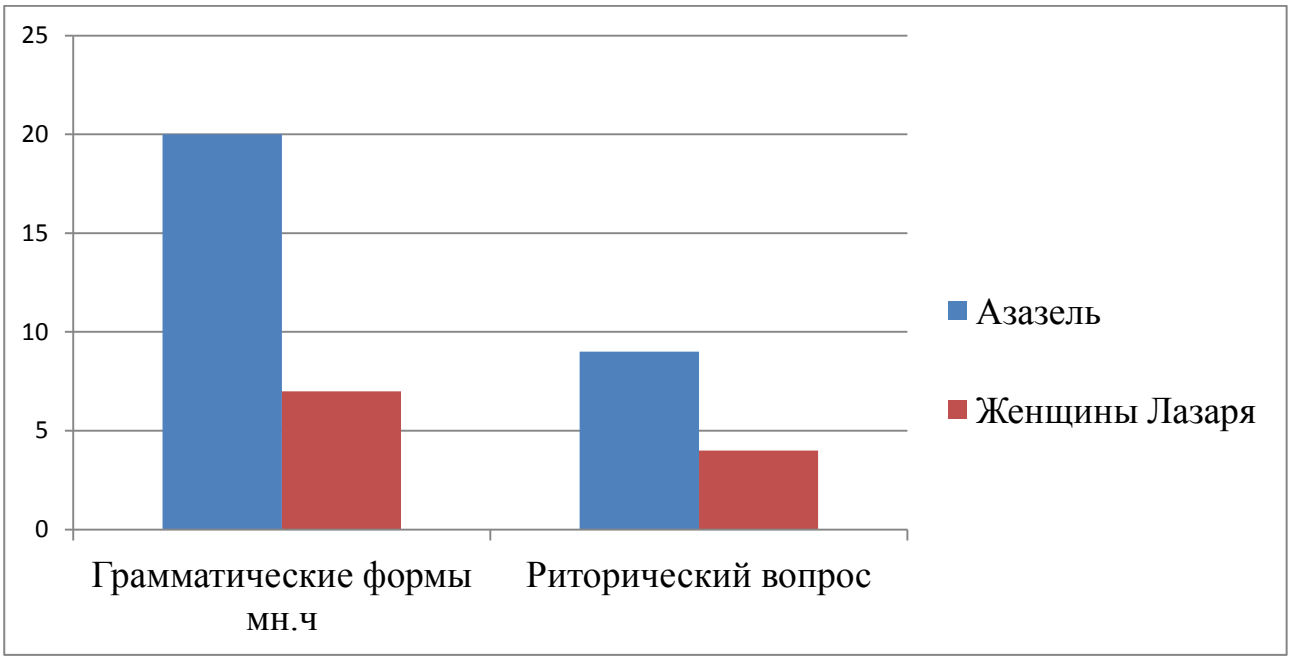

Диаграмма 4

Это объясняется некоторой ограниченностью русского языкового инструментария для изображения имплицитных актантов в сравнении с немецким; сослагательное наклонение Konjunktiv I не имеет аналогов в русском языке, поэтому формы манифестации ограничиваются вставками авторских комментариев и употреблением множественного числа для экспликации нарратора и наррататора, которое доминирует по частотности употребления (*«К чему это привело, я вас спрашиваю?», «наш герой», «откроем, пожалуй, тайну», «наши дамы»* и т.д.).

Сравнивая проанализированные романы, написанные на одном языке, мы можем сделать предварительный вывод о том, что язык произведения не является единственным фактором, влияющим на главенство того или иного способа манифестации нарратора и наррататора. Этот тезис подтверждается тем фактом, что в «Женщинах Лазаря» М.Л. Степновой едва ли наберётся удовлетворительное количество примеров грамматического выражения присутствия автора, в то время как текст «Азазель» изобилует признаками как имплицитного, так и явно эксплицитного изображения обоих коммуникантов, среди которых доминируют местоимённые и глагольные формы множественного числа:

«Лизанька *(так про себя уже называл Елизавету Александровну стремительно гибнущий Фандорин)* с готовностью опустилась на кожаный диван, глядя *на нашего героя* во все глаза» [Акунин 2009, с. 40].

Проанализировав тексты немецкоязычных романов, можем заявить, что и П. Зюскинд, и Д. Кельманн в своих романах представляют довольно однородную схему манифестации, единогласно избирая первое сослагательное наклонение в качестве главенствующей формы изображения.

В **третьей главе** «Лексические способы манифестации имплицитных актантов в фикциональных текстах» осуществляется анализ специфики манифестации имплицитных актантов посредством лексического оформления текстов.

В ходе анализа предмета исследования в лексико-семантическом аспекте был исследован феномен, обозначенный нами как вербально-темпоральные несоответствия, т.е. случаи, когда отобранная для текста лексика заведомо не релевантна времени либо месту действия повествуемого текста. И если в тексте романа «Парфюмер» мы имеем дело с отдельными лексическими единицами (в первую очередь научными терминами латинского происхождения, несвойственными речи простолюдина Гренуя), то в прозе М.Л. Степновой данный феномен находит более частотное отражение, прежде всего в форме гиперболизированного нарраторского комментария. Установить отнесённость данного комментария к антропоморфному повествователю, находящемуся вне временных рамок рассказываемой истории, не составляет труда. Ярким свидетельством такого несоответствия могут служить отсылки к поисковой системе «Яндекс» в ходе повествования о Великой Отечественной войне, «взгляд в будущее» второстепенных персонажей и т.д. Схожие примеры были обнаружены нами также в тексте романа „Die Vermessung der Welt“, но не в «Азазель», что позволяет сделать вывод о том, что данная специфика отбора языкового материала на лексико-семантическом уровне не зависит от языка повествования и представляет собой наглядную иллюстрацию к построению текста с оглядкой исключительно на волю и задумку автора, но никак не на внутриязыковую специфику.

Общим приёмом для всех четырёх романов является манифестация имплицитного автора путём выражения его субъективной позиции по отношению к описываемым событиям, находящей выражение в употребляемых в тексте наречиях: нем. „angeblich“, „objectiv gesehen“, „selbstverständlich“ – русск. «разумеется», «якобы», «конечно» и т.д.:

„Dabei besaß er, *objektiv gesehen,* gar nichts Angsteinflößendes“ [Süskind 1994, S. 31]. – «При этом, с объективной точки зрения, в нем не было ничего устрашающего» [Зюскинд. Электронный ресурс].

„Humboldt erstarrte. Das sei Herr Daguerre, flüsterte er, ohne die Lippen zu bewegen, bitte auf keinen Fall bewegen!

Gauß sagte, er wolle nach Hause.

Nur einen Augenblick, flüsterte Humboldt, fünfzehn Minuten etwa, man sei schon recht weit fortgeschritten“ [Kehlmann 2005, S. 15]. –

«Гумбольдт замер. Это господин Дагер, прошептал он, не шевеля губами. Пожалуйста, ни в коем случае не шевелиться!

Гаусс сказал, он хочет домой.

Всего один момент, прошептал Гумбольдт, приблизительно пятнадцать минут, это настоящий прогресс».

«Сильная армия, добрая милиция, холодные руки, горячее сердце, трезвая голова. *Жаль,* что все это рухнуло. *Жаль,* что *мы никогда, никогда больше не будем молодыми*» [Степнова 2012, с. 365].

«Глава первая, в которой описывается некая *циничная* выходка» [Акунин 2009, с. 3].

Кроме того, все четыре автора (Д. Кельманн в меньшей степени) используют оценочные эпитеты, таким образом закрепляя в тексте позицию нарратора:

“Er hieß Jean-Baptiste Grenouille, und wenn sein Name im Gegensatz zu den Namen anderer genialer Scheusale, wie etwa de Sades, Saint-Justs, Fouches, Bonapartes usw., *heute in Vergessenheit geraten ist*,..” [Süskind 1994, S. 5]. – «Его звали Жан-Батист Греную, и если это имя, в отличие от других гениальных чудовищ вроде де Сада, Сен-Жюста, Фуше, Банапарта и т.д., ныне предано забвению,..» [Зюскинд. Электронный ресурс].

«Ах, что были страдания хрестоматийного Данко по сравнению с кровопролитными муками Баталовых, выводящих свое единственное чадо навстречу будущему счастью?» [Степнова 2012, с. 279].

«– Клоун! Пшют гороховый! – прошипела *храбрая немка*, обнаруживая неплохое знание разговорной русской речи» [Акунин 2009, с. 5].

Следует отметить, что Б. Акунин и П. Зюскинд использовали для манифестации собственных нарраторов не только лексические, но и композиционно-стилистические средства, внедряя нарраторскую оценку не только в сам текст повествования, но и в околотекстовые элементы (заголовок у Б. Акунина или частичная драматическая манера текстового оформления у П. Зюскинда, несвойственная эпосу), что, с одной стороны, привносит в романы элемент игры с читателем, присущий фикциональным текстам постмодерна [Олизько 2002], тем самым намекая на присутствие в тексте имплицитного читателя, с другой же – подтверждает факт рассказывания, а значит, является доказательством присутствия некоего лица, осуществляющего рассказывание, т.е. нарратора.

Все проанализированные романы объединяет общий избранный тип имплицитного автора, в нарратологической традиции обозначаемый как «олимпийский» [Shipley 1964, p. 439 – 440].

Одной из центральных категорий нарратологии является точка зрения (англ. point of view). Это понятие, систематизированное П. Лаббоком, обычно подразумевает «отношение нарратора к повествуемой истории» [Lubbock 1963]. В немецких источниках используются соответствующие термины der Standpunkt или der Blickpunkt, но обычно предпочтение отдаётся die Perspektive («перспектива») или die Erzählperspektive («повествовательная перспектива»).

Также в международной нарратологии широкое распространение получило введенное Ж. Женеттом [Женетт 1998] понятие focalization («фокализация»). Основным признаком олимпийского нарратора является спецификация повествовательной перспективы, сообщающая нарратору такие свойства, как всеведение и способность заглядывать во внутренний мир описываемых персонажей. Подобное всезнание наглядно демонстрируется во всех четырёх романах, потому этот признак можно также считать универсальным.

В **четвёртой главе** «Имплицитные актанты в интертекстуальном аспекте фикционального пространства» рассматривается отображение нарратора и наррататора посредством интертертекстуальных элементов текста, включающих прежде всего вариации прецедентного феномена.

В ходе анализа четырёх романов на предмет использования интертекстуальности было установлено, что как русскоязычные, так и немецкоязычные романы содержат определённое количество отсылок к претекстам самой различной маркировки – от античных прообразов и библейских мифологем до отсылок к другим произведениям одного и того же автора, объединяющим творчество писателя в единое гипертекстуальное пространство (что особенно заметно на примере М.Л. Степновой и Б. Акунина). Однако частотность отсылок к прецедентным текстам отличается от текста к тексту (“Das Parfum” – 102, “Die Vermessung der Welt” – 4, «Женщины Лазаря» – 94, «Азазель» – 89).

В творчестве Д. Кельманна отметим, что интертекстуальность романа не столь ярко выражена, как у других писателей, чьи романы подверглись анализу. В попытке подражать фактуальному повествованию, автор сознательно избегает апеллирования к прецедентным текстам, традиционного для фикционального повествования в общем и постмодернистского дискурса в частности. Однако вместо этого Д. Кельманн охотно включает в повествование квазиисторических персонажей (т.е. тех, прообразы которых реально существовали под тем же самым именем, что и в романе), помещая их наряду с фиктивами в локации, также являющиеся отражением реально существующих городов и регионов. Таким образом, мы можем утверждать, что прецедентный феномен всё же имеет место в прозе Д. Кельманна, однако ограничивается он прецедентными именами.

„Geschichten wisse er keine, sagte Humboldt und schob seinen Hut zurecht, den der Affe umgedreht hatte. Auch möge er das Erzählen nicht. Aber er könne das schönste deutsche Gedicht vortragen, frei ins Spanische übersetzt. *Oberhalb aller Bergspitzen sei es still, in den Bäumen kein Wind zu fühlen, auch die Vögel seien ruhig, und bald werde man tot sein*“ [Kehlmann 2005, S. 125]. – «Историй он не знает, сказал Гумбольдт и поправил шляпу, которую сбила обезьяна. И рассказывать он не любит. Но он может прочесть прекраснейшее немецкое стихотворение, в вольном переводе на испанский. В вершинах гор всё тихо, среди деревьев не чувствуется ветра, и птицы не поют, и скоро все умрут».

„Da gebot der Große Grenouille Einhalt dem Regen. Und es geschah“ [Süskind 1994, S. 162]. – «Тогда Великий Гренуй повелевал дождю прекратиться. И дождь прекращался» [Зюскинд. Электронный ресурс].

«Но самый ценный из этих героев – иудейский Азазель, научивший человека чувству собственного достоинства» [Акунин 2009, с. 273].

«…она еще и крепко наступила ей на ногу – на ногу! – на драгоценную ступню лучшей ученицы школы, маленькую, твердую, изувеченную, словно у Русалочки, которую злой сказочник-импотент заставил годами ступать по остриям ножей» [Степнова 2012, с. 432].

Среди прочих романов безусловным «лидером» по количеству отсылок для М.Л. Степновой и П. Зюскинда являются библейские тексты (34% всех претекстов для романа «Женщины Лазаря» и 29% для “Das Parfum” соответственно), что также отвечает специфике фикциональных текстов постмодерна, оправдывая тезис об ироническом переосмыслении претекстов и критике религии [Олизько 2002]. В свою очередь Б. Акунин из имеющегося в наличии литературно-исторического багажа наиболее охотно обращается к прецедентным текстам классической русской и мировой литературы, от М.А. Булгакова и М.Ю. Лермонтова до А. Кристи и Р.Л. Стивенсона (79% исследованных фрагментов).

Кроме того, как Б. Акунину, так и М.Л. Степновой свойственно самоцитирование в виде обращения к ранее описанным событиям романа (в «Женщинах Лазаря») или же отсылок к другим произведениям, написанным ранее. Мы предполагаем, что причины подобной особенности построения текста у авторов различны. На наш взгляд, М.Л. Степнова за счёт отсылок предприняла попытку выстроить кольцевую композицию романа, показывая, как действия одних персонажей в некоторой степени дублируют судьбы их предков – отсюда аналогия между Галиной Петровной и Лидочкой и сходство между их событийными линиями:

«На следующий день Машков снова проводил Галочку, и через следующий, и на той неделе – опять» [Степнова 2012, с. 201].

«Они много гуляли вместе – по тем же улицам и перекресткам, по которым бродила когда-то молоденькая Галочка Баталова, держа за руку своего прекрасного сказочного принца,..» [Степнова 2012, с. 228].

У Б. Акунина же, по нашему мнению, отсылки к другим романам на страницах детектива «Азазель» являются намеренной жанровой стратегией автора, позволяющей объединить несколько детективных романов в единое пространство, представляющее больший простор для построения необходимой по законам жанра интриги:

«– Так, ну-ну. Что дальше?

– А то, что у Ахтырцева помимо десятин, домов и капиталов имелся еще нефтяной прииск в Баку, от тетушки остался. Я ведь читал в газетах, как англичане мечтают к каспийской нефти подобраться» [Акунин 2009, с. 49].

«Улыбнувшись, Фандорин рассеянно поглядел на картинку.

Нет, не вулкан. Пожар.

Поле, всё утыканное нефтяными вышками, столб чёрного дыма, зарево вполнеба. Ну понятно: Баку» [Акунин. Электронный ресурс].

На страницах романа «Азазель» встречаются отсылки не только к романам, но и малым формам творчества Б. Акунина, например, к повести «Пиковый валет»:

«Эраст Петрович протянул руку и открыл пикового валета.

– Сие есть Момус, то есть дурачок» [Акунин 2009, с. 101].

В повести, антагонистом которой является мошенник по прозвищу Момус, даётся более расширенное в сравнении с характеристикой графа Зурова пояснение:

«“Момус“ – это древнегреческий насмешник и злопыхатель, сын Никты, богини ночи. В гадании «Египетская пифия» так обозначается пиковый валет, карта нехорошая, сулящая встречу с глумливым дурачком или злую шутку фортуны» [Акунин 2010, с. 23].

Наряду с описанными выше особенностями в русскоязычных романах, особенно в «Женщинах Лазаря», мы имеем дело с постмодернистской интерпретацией сказовой формы повествования, которую мы для удобства обозначаем как «словесную мозаику» в соответствии с терминологией В.В. Виноградова [Виноградов 1980]. Это является ещё одним косвенным подтверждением присутствия на страницах романа имплицитных актантов, поскольку сказ как повествовательная форма подразумевает обязательное присутствие как нарратора, осуществляющего повествование, так и наррататора в качестве задуманного реципиента – пусть даже речь идёт о сказе в его неклассической, постмодернистской форме или вовсе элементах сказовости, вплетённых в общую канву романа.

Таким образом, интертекстуальные формы манифестации имеют наиболее широкий спектр, варьируясь от отдельных прецедентных имён, внедрённых в текст, до отсылок к претекстам и самоцитирования. Стоит отметить, что использование того или иного приёма в рамках интертекстуального аспекта текстового оформления обусловлено не языком повествования, а исключительно желанием автора и уровнем осведомлённости потенциальной группы реципиентов, что подтверждает существование внутритекстовой дихотомии «нарратор – наррататор». Причём важным условием сохранения этой оппозиции является соответствие наиболее яркой выраженности присутствия имплицитного автора более высокому уровню осведомлённости задуманного читателя, что влечёт за собой всё более и более растущее количество внедрённых в текст прецедентных элементов.

В **Заключении** обобщаются результаты исследования национальной специфики манифестации имплицитных актантов и намечается дальнейшая перспектива исследования.

Реализация поставленных в исследовании задач позволяет нам сделать ряд обобщений теоретического и практического характера о специфике функционирования имплицитных актантов в произведениях постмодернистского дискурса:

1. Исследование, проведённое на материале фикциональных текстов постмодернистского дискурса, позволило установить, что во всех текстах присутствует нарратор, который является безусловно антропоморфным, обладает собственной точкой зрения и жизненным опытом. Более подробно нарратор, который также может эксплицироваться на базе уже имеющегося имплицитного изображения, выделяется в романе «Женщины Лазаря», поскольку наделён не только голосом и разумом, но и элементами биографии.

2. В ходе исследования нарратор был классифицирован нами как «олимпийский», т.е. наделённый способностью проникать в разум героев, видеть и интерпретировать их мысли и чувства и передавать полученную информацию некоему реципиенту, которого мы рассматриваем как задуманного / имплицитного читателя.

3. Превалирующий способ манифестации имплицитных актантов разнится от романа к роману. Нами не было установлено взаимосвязи между языком повествования и доминирующим способом выражения, на основании чего мы можем утверждать, что выбор главенствующего способа манифестации не определяется преимущественно языком произведения. Однако нами было установлено, что немецкоязычные тексты обнаруживают более широкий спектр грамматических форм манифестации имплицитных актантов благодаря использованию сугубо немецкой грамматической структуры Konjunktiv I, которая не имеет аналогов в русском языке, а потому грамматическая манифестация имплицитных актантов в фикциональных текстах П. Зюскинда и Д. Кельманна представляется нам более разнообразной, чем у Б. Акунина и М.Л. Степновой.

4. При рассмотрении лексико-семантического аспекта текстов было установлено, что в произведения П. Зюскинда и М.Л. Степновой имеет место феномен, обозначенный нами как вербально-темпоральные несоответствия. В то же время в прозе Д. Кельманна и Б. Акунина подобного прецедента не наблюдается, что даёт нам право утверждать, что такая специфика отбора лексического материала для фикционального текста является отражением авторского замысла, но никак не обусловлена особенностями языка повествования.

5. По результатам исследования представленных форм и способов манифестации имплицитных актантов на интертекстуальном уровне было установлено, что данный аспект также не имеет чётко прослеживаемой связи с языком повествования за исключением того факта, что в немецкоязычных текстах встречаются отсылки к претекстам немецкого лингвокультурного пространства, в то время как для русскоязычных романов характерно обращение к прецедентным текстам классической русской и советской литературы.

6. Был сделан вывод о том, что подбор прецедентных текстов для последующего построения фикционального пространства проанализированных романов обусловлен не нарративным потенциалом языка, на котором осуществляется повествование, а сугубо авторским намерением, причём

намерение это может быть как бессознательным, так и вполне осознанным, особенно если мы говорим об интертекстуальном аспекте, поскольку именно автор несёт ответственность за отбор или неотбор прецедентных текстов для последующей интерпретации в рамках того или иного фикционального произведения.

7. Вне зависимости от языка повествования и форм манифестации, в проанализированных текстах с одинаковой частотой встречаются примеры эксплицитного выражения нарратора и наррататора, что, исходя из озвученной нами теории о комплементарности эксплицитного изображения и его несамостоятельности, является прямым доказательством их имплицитного присутствия во внутритекстовой структуре. Зачастую экспликация актантов фикционального нарратива в исследованных романах осуществляется посредством слияния грамматического и лексического способа выражения. Наиболее частотной в этом плане является условная формула «грамматические формы множественного числа + прямое обращение к реципиенту / риторический вопрос».

8. Осуществлённый компаративный анализ немецко- и русскоязычных фикциональных текстов позволяет сделать вывод о том, что все проанализированные фикциональные тексты обнаруживают как грамматические, так и лексико-семантические и интертекстуальные способы манифестации имплицитных актантов. Однако немецкоязычные романы предоставляют более широкий спектр форм грамматической манифестации, что обусловлено языковой спецификой нарратива. Русскоязычные фикциональные тексты скорее тяготеют к сочетанию грамматических и лексических форм экспликации нарратора и наррататора. Анализ способов и форм манифестации имплицитных актантов посредством интертекстуальности позволяет сделать вывод о том, что данный способ выражения одинаково широко представлен как в немецко-, так и в русскоязычных фикциональных текстах; несмотря на то что между двумя языками существует немало различий в плане претекстов, существуют и универсальные источники (например, библейская и житийная литература, античные мифологемы), нашедшие отражение во всех четырёх романах вне зависимости от языка повествования. Это позволяет утверждать, что прецедентность является универсальным способом манифестации имплицитных актантов, не зависящим от языка повествования, и уровень включённости прецедентных феноменов в создаваемый текст регулируется лишь волей автора.

Перспективы исследования видятся нам в нескольких направлениях. Весьма востребованной в плане дальнейшего прикладного использования стала бы разработка исследуемой темы в русле теории перевода, для чего планируется провести компаративный анализ оригинальных немецкоязычных текстов и их переводов на русский язык с целью установить, сохраняется ли схема манифестации имплицитных актантов в одном и том же произведении при его переводе. Перспективно и компаративное направление развития исследования, включающее материал не только на русском и немецком, но и на

других языках, например английском. Также мы считаем перспективным более широкое исследование интертекстем в проанализированных текстах, результаты которого потенциально могут быть использованы при составлении учебных и методических пособий по текстологии и поэтике постмодерна. Значимым для теории языка может стать дальнейшее исследование других видов дискурса на предмет способов манифестации в них участников внутритекстовой коммуникации, выраженных как имплицитно, так и эксплицитно.

Научные статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ

1. Сафронова, Е.Е. Роман Патрика Зюскинда «Парфюмер. История убийцы» как продукт постмодернистского дискурса и его литературно-культурологические истоки / Е.Е. Сафронова // Казанская наука. – 2017. – № 1. – С. 34–37 (0,46 п.л.).

2. Сафронова, Е.Е. Роль конъюнктива I при грамматической манифестации имплицитного автора в фикциональном тексте / Е.Е. Сафронова // Казанская наука. – 2018. – № 8. – С. 54–57 (0,46 п.л.).

3. Сафронова, Е.Е. Эксплицитная манифестация читателя как разновидность его имплицитного присутствия (на примере романа Б. Акунина «Азазель») / Е.Е. Сафронова // Казанская наука. – 2018. – № 8. – С. 57–60 (0,46 п.л.).

4. Сафронова, Е.Е. Экспликация нарратора в фикциональном тексте посредством вербально-темпоральных несоответствий / Е.Е. Сафронова, А.А. Бекетова // Казанская наука. – 2019. – № 9. – С. 141–144 (0,46 п.л.).

5. Сафронова, Е.Е. Типы экспликации нарратора в романе Даниэля Кельманна "Die Vermessung der Welt" / Е.Е. Сафронова // Казанская наука. – 2020. – № 10. – С. 148–150 (0,46 п.л.).

6. Сафронова, Е.Е. Интертекстуальность как способ манифестации имплицитных актантов (на примере романа М.Л. Степновой «Женщины Лазаря») / Е.Е. Сафронова, А.А, Гусейнова // Казанская наука. – 2022. – № 10. – С. 177–180 (0,46 п.л.).

7. Сафронова, Е.Е. Особенности функционирования прецедентности в постмодернистском дискурсе (на примере современной немецкой прозы) / Е.Е. Сафронова, И.В. Уварова // Казанская наука. – 2022. – № 10. – С. 184–187 (0,46 п.л.).

Статьи, опубликованные в других изданиях

8. Сафронова, Е.Е. Фиктивные локации и событийность в романе Даниэля Кельманна “Die Vermessung der Welt” / Е.Е. Сафронова, И.В. Уварова // Международный научно-практический журнал «Интеграция наук» – 2016 – № 1 (1). – С. 19–22 (0,23 п.л.).

9. Сафронова, Е.Е. Эксплицитная и имплицитная манифестация читателя в фикциональном тексте (на примере романа Б. Акунина «Азазель») / Е.Е. Сафронова // Проблемы и тенденции научных исследований в системе образования: Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции (Уфа, 03 июня 2019 г.). – Часть 2. – Стерлитамак: АМИ, 2019. – С. 85–87 (0,17 п.л.).

10. Сафронова, Е.Е. Текстовая интерференция как нарушение континуальности текста автора (на примере цикла романов Б. Акунина «Приключения Эраста Фандорина») / Е.Е. Сафронова // Континуальность и дискретность в языке и речи: материалы VII Всерос. науч. конф. – Краснодар: Кубанский гос.ун-т, 2019. – С. 77–80 (0,47 п.л.).

САФРОНОВА ЕКАТЕРИНА ЕВГЕНЬЕВНА

ИМПЛИЦИТНЫЕ АКТАНТЫ РУССКО- И НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ФИКЦИОНАЛЬНЫХ ТЕКСТОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX – НАЧАЛА XXI ВВ.

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Формат 60×84 $^{1}/_{16}$
Печать цифровая. Уч.-изд. л. 1,5. Тираж 100. Заказ № 5167.4
Издательско-полиграфический центр
Кубанского государственного университета
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149